

4. «Паразитическое перенаселение» второй половины 1940-х

гг.

Среди новых пополнений доминировали осужденные по политических статьям и особо опасные уголовные преступники. Их совокупная доля в общей численности населения Гулага выросла с 27 % в 1941 г. до 43 % в июле 1944 г.¹. Новые контингенты – схваченные в ходе очистки тылов изменники родины, фашистские пособники, власовцы, члены боевых вооруженных формирований украинских и прибалтийских националистов, особо опасные уголовные преступники и т.д., - уже невозможно было увлечь ни перспективой освобождения через мобилизацию, ни, тем более, патриотической пропагандой. Гулаг матерел и озлоблялся, а гулаговский социум, с точки зрения властей предержащих, приобретал все более отрицательную динамику. В нем происходила консолидация заключенных по уголовным, политическим, этнополитическим и этническим признакам.

На пересечении интересов лагерной администрации, озабоченной выполнением производственных задач и поддержанием «порядка» и «дисциплины» любой ценой, и отколовшихся от традиционного воровского мира уголовных авторитетов, искавших благоприятных условий отсидки и решившихся пойти на сотрудничество с лагерным начальством, в Гулаге возникло консолидированное преступное сообщество, получившее впоследствии наименование «суки». На протяжении войны эта группировка захватила неформальную власть в лагерях и успешно паразитировала на гулаговском населении. Все более заметным фактором внутренней жизни Гулага становился лагерный бандитизм, приобретающий формы организованной борьбы различных группировок за контроль над зоной. Фактически, в конце войны в Гулаге обозначились первые признаки жестокой борьбы за ресурсы выживания, что многократно увеличивало предрасположенность Архипелага к волнениям, бунтам и беспорядкам. Напряжение в среде

1 ГА РФ. Ф.Р-9414. Оп.1. Д.68. Л.9

профессиональных преступников и бандитов болезненно отразилось как на положении всех остальных заключенных, так и на состоянии режима, и, в конечном счете, на выполнении Гулагом его производственных функций. Эффективного полицейского решения проблемы найти так и не удалось. Криминальная элита Гулага встала на путь стихийной саморегуляции – уменьшение численности «паразитов» (физическое или статусное) в результате все более жестокой борьбы за власть над зоной.

Не исключено, что с действием тех же причин был связан и побеговой ренессанс 1946-1947 гг. 16 июня 1947 г. заместитель начальника ГУЛАГ по оперативной работе Г.П.Добрынин сделал вывод о значительном росте состоявшихся побегов заключенных, «особенно групповых и даже вооруженных»¹. Подобные побеги, все больше походившие на бунты и мини-восстания были бесспорным свидетельством дестабилизации обстановки в послевоенном Гулаге, но проблемы «паразитического перенаселения» Гулага они решить, естественно, не могли. Слишком малое число заключенных имело технические возможности, достаточно мужества и сил для побега. Поэтому главным итогом «паразитического перенаселения» стал разраставшийся конфликт между различными группировками воровской «элиты» - яркое свидетельство формирования новой социальной структуры гулаговского сообщества. Враждующие группировки, следуя инстинкту самосохранения, начали упорно добиваться от лагерной администрации признания их неофициального статуса и режима раздельного содержания в лагерных пунктах. Так они закрепляли раздел сфер влияния и добивались от начальства «ярлыка» на власть. В свою очередь, вершиной режимно-оперативной мысли стала тактика «разведения» враждующих группировок по различным лагерным подразделениям, то есть признание их de facto и молчаливое согласие на выделение «вотчин» для уголовников. Одной из постоянных забот оперативных работников во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. стало не разложение или ликвидация уголовных группировок, - на это, как на дело совершенно безнадежное, в то время просто махнули рукой,

1 ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп.8. Д.11. Л.57

а их своевременное расселение. Однако, характерное для Гулага в 1945-1947 гг. «паразитическое перенаселение» делало последовательную реализацию этого принципа трудновыполнимым, что и начало раскручивать маховик безжалостной войны «воров» и «сук». ¹

Изменение социальной структуры Гулага после массовых посадок «положительного контингента» по указам 1947 г. об усилении борьбы хищениями общественной и личной собственности уже не могло остановить инерцию непримиримой борьбы за ресурсы, хотя вряд ли кто-либо из участников «войны» спустя несколько лет после ее начала смог бы внятно объяснить ее причины. Во всяком случае, в то время, когда (уже после смерти Сталина!) эта проблема привлекла внимание высшего советского руководства, ни гулаговские оперативники, ни сами заключенные так и не смогли восстановить точный анамнез хронической болезни Гулага.

Ресурсов военного Гулага оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы обеспечить привилегированные условия отсидки всем потенциальным претендентам. Заработал пусковой механизм активного социального структурирования Гулага, еще недавно «атомизированного», а потому управляемого; началось возникновение разнообразных группировок заключенных для защиты от «правомерного» и неправомерного произвола как первой, так и «второй власти» в лагерях, так же как и для эффективной борьбы за контроль над зоной, то есть за право самим стать паразитами, «второй властью». Тягу к сплочению и консолидации обнаружили даже традиционно аморфные политические заключенные, состав которых, как уже отмечалось, кардинально изменился за годы войны. Это новое явление гулаговские оперативники попытались в 1944 г. выразить формулировкой «контрреволюционные авторитеты»¹, намекающей на появление специфических сообществ политических заключенных.

Растущее «паразитическое давление» на население Гулага, усиленное постоянным втягиванием, часто под угрозой смерти, заключенных в «разборки» криминальных авторитетов, поставили

1 Подробно об этом см.: История сталинского Гулага. Т.6. С. 60-77

политических заключенных, особенно их новые пополнения, перед критическим выбором. Для них, столь же «безнадежных» по срокам заключения и жизненным перспективам, что и бандиты-уголовники, консолидация и сплочение в борьбе за скудные жизненные ресурсы и власть над зоной стали единственно возможным выходом из ситуации. Политические начинали эту борьбу из заведомо невыгодной позиции, ибо не имели того полулегального статуса, которым гулаговская практика наделила верхушку воровского мира. Зато они могли использовать привычные формы подполья и повстанческой самоорганизации, опереться на враждебные советскому режиму идеологические ценности как на инструмент групповой мобилизации. Отдельные группы дополнили не всегда эффективный в лагерных условиях повстанческий и подпольный опыт методами и приемами, заимствованными у организованного криминала. Особую активность демонстрировали украинские и прибалтийские националисты, прибывавшие в Гулаг сплоченными компактными группами, преисполненные боевого духа, объединенные простой, порой вульгарной и примитивной, но сильной и жизнеспособной национальной идеей.

Украинские националисты («бандеровцы и повстанцы») отличались особой непримиримостью, жестокостью, жизнеспособной подпольной инфраструктурой, приспособленной к специфически советской «культуре стука». В 1946 г. гулаговские оперативники отмечали своеобразный повстанческо-побеговый порыв заключенных украинских националистов, содержащихся на Украине. Из 100 тысяч заключенных украинских ИТЛ и колоний 30 тысяч (данные на 1 января 1946 г.) составляли «особо опасные, подавляющее большинство которых осуждено за измену Родине, антисоветский заговор, террор, повстанчество и бандитизм». Именно из этой среды выделялись организаторы и руководители особо дерзких групповых побегов – «нападения на отдельных стрелков, нападения целой колонной на конвой, рывками через зону группой, путем подкопов и т.п.».

Чекисты прекрасно понимали причины подобной дерзости – «шансов на то, что при удачном побеге они в течение буквально дней попадут к «своим», у них много»¹. Поэтому, несмотря на повышенную заинтересованность партийных и советских органов УССР в рабочей силе заключенных, Гулагу пришлось пойти на своеобразную ротацию – заметить бандеровцев, отправленных малыми партиями с Украины в традиционные гулаговские районы, «неопасными» уголовниками. В результате, политический Гулаг получил прилив свежей «протестной» крови, а расстановка сил в лагерях стала меняться. Началось создание лагерного националистического подполья, сопровождавшееся борьбой за передел «второй власти». Привычные методы усмирения – использование уголовников, «отошедших» от «воровского закона» для подавления политических заключенных – в отношении украинских националистов не работали. Поступления с Украины повстанцев и подпольщиков усилили украинское «землячество» в Гулаге, превратив его в одну из влиятельных сил гулаговского социума.

В 1946-1947 гг. процессы самоорганизации новых политических заключенных и формирования глубокого лагерного подполья проходил свою латентную фазу. В ноябре 1947 г. Гулаг и его Первое управление впервые зафиксировали целый комплекс новых проблем. Гулаговское начальство, походя, отметив оперативные успехи на ниве привычной «борьбы с антисоветской агитацией, антисоветскими группированиями среди заключенных», весьма резко высказалось о снижении качества работы по ликвидации «более серьезных вражеских группирований», ушедших в лагерях в «глубокое антисоветское подполье». Наибольшую тревогу вызывали «идеологическая обработка во враждебном духе окружающих», восстановление «утраченных антисоветских организационных связей по воле», подготовка волюнок, вооруженных групповых и одиночных побегов, попытки установить связь с иностранными посольствами¹.

При всех обвинениях в адрес «контрреволюционной» части лагерного населения практические работники не могли не понимать, что

1 ГА РФ. Ф.Р-9414. Оп.1. Д.2531. Л.60

в то время главная угроза для порядка управления исходила все-таки не от «контрреволюционеров», даже не от их новых пополнений с Украины и из Прибалтики, еще переживавших свой «организационный период», а от особо опасных уголовных преступников. В августе 1947 г. в докладной записке на имя заместителя начальника ГУЛАГ Б.П.Трофимова начальник 6 отдела Первого управления Александров проанализировал оперативную обстановку в лагерях и колониях. По его оценке доля особо опасного элемента составляла 40 % от общей численности заключенных – 690495 человек, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства, разбой, побеги против 1074405 человек, сидевших за «бытовые, должностные и другие маловажные преступления». Однако в качестве главной угрозы Александров назвал не 567 тыс. «контрреволюционеров», многие из которых никакой опасности для режима и порядка управления не представляли, а 93 тыс. («громадное количество», по оценке чиновника) осужденных за бандитизм, убийства, разбой и т.п.².

Администрация Гулага чувствовала, что вверенный ее попечению Архипелаг теряет управляемость, что преступная активность 93 тыс. опасных уголовников, поделивших (не без участия лагерной администрации) лагеря и колонии на вотчины, грозит не только режиму содержания и порядку в лагерных подразделениях, но и святая святых – «трудовому использованию контингентов». Именно тогда в прагматичном среднем звене гулаговского аппарата появилась идея радикального решения проблемы – организовать «специальные лагеря для содержания осужденных за бандитизм, убийство, вооруженный разбой и побеги».³ Как показали дальнейшие события, высшее руководство страны предпочло разумному и прагматичному полицейскому решению – решение политическое и, как выяснилось, опасное для самой власти.